

Лучинкина А. И., Руденко Е. С.

Особенности коммуникативного поведения личности подростков...

Российский психологический журнал, 2022, Т. 19, № 2, 118-128. doi: 10.21702/rpj.2022.2.9

НАУКИ ОБ ОБРАЗОВАНИИ

Научная статья

УДК 159.9.072.43:316.624

<https://doi.org/10.21702/rpj.2022.2.9>

Особенности коммуникативного поведения личности подростков с разными уровнями суицидальных рисков при смене реальности

Анжелика И. Лучинкина¹, Екатерина С. Руденко²

^{1, 2} Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, г. Симферополь, Российская Федерация

 a.luchinkina@kipu-rc.ru

Аннотация: Введение. В статье анализируются особенности коммуникативного поведения в виртуальном пространстве подростков с разными уровнями суицидальных рисков. Впервые осуществлено исследование коммуникативного поведения личности подростков с высоким уровнем суицидальных рисков в реальном пространстве при их нахождении в социальных сетях. Большинство исследований доказывает, что пребывание в виртуальной среде оказывает негативное влияние на развитие личности. Учитывая, что подростковый возраст является периодом формирования личности и характеризуется частой сменой настроения, максимализмом, желанием быть в центре внимания референтной группы, подростки зачастую находят себя в виртуальном пространстве, тем самым теряя интерес и навыки коммуникации в реальном, что и приводит к поведению суицидального характера. **Методы.** Исследование проводилось в реальном и виртуальном пространстве. В констатирующем эксперименте приняли участие 106 подростков в возрасте 14–16 лет. Для выявления групп подростков с повышенными суицидальными рисками в реальном пространстве использовался опросник суицидальных рисков в модификации Т. Н. Разуваевой, суицидальных рисков в виртуальном пространстве – авторская модификация опросника Т. Н. Разуваевой; для изучения коммуникативного поведения подростков применялись методики «Оценка уровня общительности» (тест В. Ф. Ряховского), «Диагностика коммуникативной установки» (В. В. Бойко). **Результаты и их обсуждение.** Авторы выявили изменения суицидальных рисков у подростков при смене реального пространства на виртуальное. Проанализированы изменения в коммуникативных характеристиках подростков. Установлено, что в виртуальном пространстве у большинства подростков возрастает уровень жестокости, видение окружающей среды приобретает негативную окраску, что увеличивает уровень суицидальных рисков среди подростков.

Ключевые слова: подростки, суицидальное поведение, суицидальный риск, коммуникативное поведение, реальное пространство, виртуальное пространство, личность, интернет-общение, антисуицидальный фактор, коммуникативная установка

Основные положения:

- виртуальная коммуникация является особой формой взаимодействия между людьми, способствующей удовлетворению их потребностей в интернет-пространстве;
- маркерами виртуальной коммуникации выступают коммуникативные установки относительно общения в интернет-пространстве, толерантность, коммуникативный контроль, личный опыт общения;
- виртуальное пространство катализирует суицидальные риски подростков; по субъективным ощущениям подростков в виртуальном пространстве значение антисуицидального фактора снижается, возрастает уровень открытой жестокости, а среди коммуникативных установок доминируют негативный личный опыт, брюзжание, завуалированная жестокость.

Для цитирования: Лучинкина, А. И., Руденко, Е. С. (2022). Особенности коммуникативного поведения личности подростков с разными уровнями суицидальных рисков при смене реальности. *Российский психологический журнал*, 19(2), 118–128. <https://doi.org/10.21702/rpj.2022.2.9>

Введение

Подростковые суициды в России на протяжении нескольких последних лет являются одной из основных причин смертности в этом возрасте. Подростки, в силу отсутствия у них социального опыта, зачастую находят радикальное решение своих проблем – самоубийство. Следует учитывать и тот факт, что превысила барьер в 40 % распространенность подростковой депрессии – это также может повлечь за собой суицидальные попытки.

Психологический анализ проблемы суицидального поведения у подростков показал необходимость исследования коммуникативных особенностей этой возрастной группы. Особенно актуальным становится исследование коммуникаций при переходе подростка из реального в виртуальное пространство, где личность обладает большим количеством степеней свободы и пользуется свойственными интернет-пространству анонимностью, безнаказанностью, бесконтрольностью, отсутствием границ.

Бесконтрольный доступ подростков к социальным сетям, несовершенная нормативно-правовая база для деятельности в интернет-пространстве, личностные когнитивные ошибки могут привести к нарушению процесса виртуальной коммуникации и, как следствие, – к проявлениям суицидального поведения.

Целью статьи являются особенности коммуникативного поведения личности подростков с разными уровнями суицидальных рисков при смене реальности.

Задачи статьи:

6. Выделить группы подростков с повышенными суицидальными рисками в реальном пространстве.
7. Проанализировать динамику суицидальных рисков подростков при переходе из реального в виртуальное пространство.
8. Проанализировать особенности изменения коммуникативных характеристик подростков при смене реальности.

Обзор публикаций по проблеме исследования

В научной литературе наиболее ранним и распространенным является определение феномена виртуальной коммуникации с точки зрения технологического подхода. В этом случае акцент делается на активно развивающихся современных технологиях, скорости передачи информации и удобстве пользователей (Назарчук, 2008; Баева, 2013, 2014; Бодалев, 2011; Миронов, 2006; Рассолов, 2009; Жилкин, 2003; Карабин, 2009; Щербаков, 2008; Борисов, 2012; Хабермас, 2000; Янг, 2000; Кастельс, 2004; Хейзинга, 2011; Соколов, 2003; Sobkin & Fedotova, 2021). Но, несмотря на распространенность данного подхода, он не может удовлетворить потребности личности в общении, в построении теплых взаимоотношений, а также в рекреации и самовыражении.

Изучением виртуальной коммуникации в психологии также занимались отечественные авторы, такие как: И. В. Михалец, Е. П. Белинская, Ю. Д. Бабаева, А. Е. Войскунский, А. И. Лучинкина, И. С. Лучинкина, А. В. Чистяков, Г. У. Солдатова, А. Ш. Тхостов и др.

Так, И. В. Михалец в своих исследованиях рассматривает «виртуальную коммуникацию» как реальность, которая создана с помощью цифровых технологий и создает мир иллюзий и имитацию действительности. Интернет-пространство, в отличие от реального взаимодействия, по мнению автора, имеет ряд преимуществ, таких как: регулярность создания новых знакомств до бесконечности; отсутствие потребности ухаживать за своей внешностью; беспокойство по поводу того, какое впечатление ты производишь на другого человека, – что объясняет рост популярности и востребованности посещения виртуального пространства (Михалец, Волчкова, Филиппова, 2016).

В исследованиях Е. И. Рассказовой, А. Ш. Тхостова акцентируется внимание на предикторах делинквентного поведения личности в виртуальном пространстве (Rasskazova et al., 2019).

В работах Г. У. Солдатовой анализируются риски цифровой социализации российских подростков (Soldatova & Yarmina, 2019; Soldatova et al., 2020).

В своих исследованиях Е. П. Белинская рассматривает интернет-коммуникацию как создание неограниченного количества вариантов собственного Я, которое свидетельствует о поиске сетевой идентичности и возможности «игр» с эмоциональными состояниями. Автор отмечает, что интернет-коммуникации стали частью большинства видов профессиональной деятельности личности, которые формируют новые самоорганизационные требования к человеку и дают возможность для геймификации. Интернет-общение оказывает весомое влияние на мышление и мировоззрение личности, предоставляя широкий доступ к нормам и ценностям пользователей и транслируя модели социального поведения (Белинская, 2002).

Ю. Д. Бабаева и А. Е. Войскунский рассматривают виртуальную коммуникацию как альтернативу реальному общению. В таком случае пользователь виртуальной коммуникации имеет возможность не только скрывать свои чувства за знаковыми формами сообщений, а также симулировать их, что дает данным формам коммуникации большую востребованность (Бабаева и др., 1986; Войскунский, 2010).

А. И. Лучинкина отмечает, что анализ исследований по проблеме различия виртуальной коммуникации от коммуникации в реальной среде позволяет выделить следующие характеристики: полифоничность, поликультурность; гипертекстовые и интерактивные возможности Сети; анонимность и дистанцированность; заместительный характер общения (Лучинкина, 2012).

И. С. Лучинкина рассматривает коммуникацию как совокупность и реализацию определенных норм отдельной личности или группы личностей в процессе взаимодействия, которая

также содержит в себе понимание новостного контента, что оказывает воздействие на коммуникативное поведение интернет-пользователей, в том числе на их восприятие и разделение данной информации (Лучинкина, 2019).

Мы определяем виртуальную коммуникацию как форму взаимодействия между людьми, которая способствует удовлетворению различных потребностей в интернет-пространстве.

Следует отметить, что исследований виртуальной коммуникации подростков с разным уровнем суицидальных рисков крайне мало. В работах А. И. Лучинкиной акцентируется внимание, что суицидальная личность подростка в виртуальном пространстве базируется на свойствах и характеристиках реальной личности и включает: убеждения и уровень инструментальной компетентности личности; мотивы нахождения в Сети; личные мифологемы подростков (Лучинкина, 2017).

Д. С. Исаев и К. В. Шерстнев в своих исследованиях отмечают, что суицидальное поведение подростков объясняется тем, что они не справляются с теми требованиями и нормами, которые диктует им социум, а также они зачастую не успевают за темпом жизненных устоев. В связи с этим у подростков возникает чувство личностного несоответствия, что и подталкивает к поведению суицидального характера (Исаев, Шерстнев, 2000).

А. И. Лучинкиной и И. С. Лучинкиной отмечено, что основными когнитивными искажениями, характерными для суицидентов в виртуальном пространстве, являются на групповом уровне фрейминг, предвзятость подтверждения, искажение в оценке гомогенности членов другой группы, а на личностном уровне наиболее выраженными являются дихотомическое мышление и катастрофизация (Лучинкина, Лучинкина, 2019).

Кроме того, исследователи отмечают, что условия недоступности визуального контакта расширяют возможности эмоционального реагирования. По этой причине выбор письменных форм общения преследует цель отрыва реального переживания от транслируемого партнеру эмоционального отклика. Данная стратегия эмоционального поведения актуализирует поиск различных способов выражения эмоций, отвечающих цели и задачам общения (Лучинкина, Лучинкина, 2019).

Виртуальная коммуникация предоставляет возможность удовлетворить желание в общении вне зависимости от территориальной удаленности пользователей, их физического и эмоционального положения. При сбалансировании форм общения (реальной и виртуальной) коммуникатор получает возможность увеличить личный круг общения и сохранить эмоциональный компонент социального взаимодействия.

Особого внимания, с нашей точки зрения, заслуживает модель траекторий развития суицидального поведения в подростковом возрасте Дж. Бриджа. Ученый выделил факторы допубертатного и пубертатного этапов развития суицидального поведения (Bridge et al., 2006).

Исследователи обращают внимание на то, что элементами коммуникативного поведения подростков выступают их коммуникативные установки, которые формируются благодаря опыту взаимодействия, оценкам, переживаниям (Agosta, 2010; Davis, 2001).

В исследованиях других ученых отмечено, что маркерами коммуникации могут быть: эмпатия как способность распознавать эмоциональное состояние другого человека в виртуальном пространстве; рефлексия как фактор понимания и распознавания своих собственных переживаний на основе размышлений; толерантность как способность бережного отношения к чужим границам; коммуникативный контроль как форма контроля за поведением в различных жизненных обстоятельствах. Подростки с высоким коммуникативным контролем,

по М. Шнайдеру, достаточно хорошо себя контролируют в словах и поступках, осведомлены о правилах и нормах поведения, стараются их придерживаться (Ефимова, 2012; Гончарова, 2016; Гиппенрейтер, Фаликман, 2009; Гулевич, 2007; Шнайдер, 2002; Ильин, 2009).

Таким образом, виртуальная коммуникация подростков включает в себя: коммуникативные установки, толерантность, коммуникативный контроль, личный опыт общения.

Методы

Исследование проводилось в реальном и виртуальном пространстве. Основной метод – констатирующий эксперимент. На первом этапе при помощи опросника суицидальных рисков (модификация Т. Н. Разуваевой) (Разуваева, 1993) были выделены группы подростков с повышенными суицидальными рисками в реальном и виртуальном пространстве. На втором этапе изучены особенности изменения коммуникативных характеристик подростков при смене реальности при помощи методик «Оценка уровня общительности» (тест В. Ф. Ряховского), «Диагностика коммуникативной установки» (В. В. Бойко) (Ряховский, 2005; Бойко, 2002).

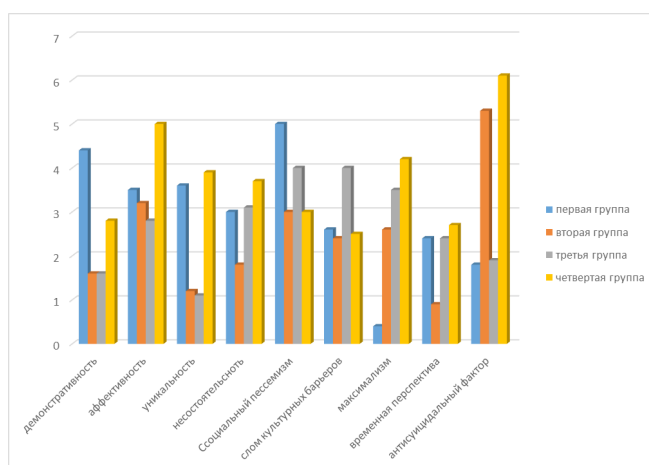
Результаты и их обсуждение

В ходе исследования выявлено, что уровень суицидальных рисков у подростков возрастает при переходе из реального пространства в виртуальное. При переходе в виртуальное общение у большинства респондентов возрастает уровень открытой жестокости, достоверно изменяется установка на негативный личный опыт, брюзжание, завуалированную жестокость.

В ходе исследования были выделены группы подростков с разным уровнем выраженности суицидальных рисков в реальном и виртуальном пространстве. Так, в реальном пространстве, благодаря процедуре кластеризации, были выделены 4 группы респондентов (рис. 1): две группы с низким уровнем антисуицидального фактора и две группы с высоким уровнем антисуицидального фактора.

Рисунок 1

Распределение по группам с разным уровнем выраженности суицидальных рисков в реальном пространстве

Первая группа респондентов (9 человек) – подростки с низким значением антисуицидального фактора – демонстративные суициденты. Как правило, склонны к суициду. Эти подростки демонстративны (уровень демонстративности выше среднего), что выражается в поступках с целью привлечения внимания окружающих (от громкого смеха до изображения глубокой печали). Склонны к преувеличению социальных проблем – «меня не любят», «друзья должны быть другими» (уровень социального пессимизма высокий). Чаще воспринимают себя как уникам.

Вторая группа (66 человек) – подростки со значением антисуицидального фактора выше среднего. Эти подростки не склонны к суицидальному поведению и имеют средние и ниже средних значений по шкалам: «демонстративность», «аффективность», «уникальность», «несостоятельность», «социальный пессимизм», «слом культурных барьеров», «максимализм», «временная перспектива», «антисуицидальный фактор».

Следует отметить, что подростков с такими показателями в выборке более 57 %.

Третья группа (12 человек) – тихие суициденты – подростки с низким значением антисуицидального фактора. Как правило, склонны к суициду. В отличие от подростков первой группы, не склонны к аффектам и демонстративному поведению, не считают себя уникальными. Однако имеют отрицательную концепцию окружающего мира и склонны к культивации смерти: собирают разные истории про самоубийства, состоят в группах, где существует культ смерти. Склонны к максимализму.

Четвертая группа (19 человек) – подростки, имеющие высокое значение антисуицидального фактора, склонны к аффектам вплоть до потери контроля над эмоциями. Уверены в своей уникальности. Склонны к максимализму. При этом к окружающему миру относятся благо-склонно, стараются соблюдать нормы и правила общественной жизни.

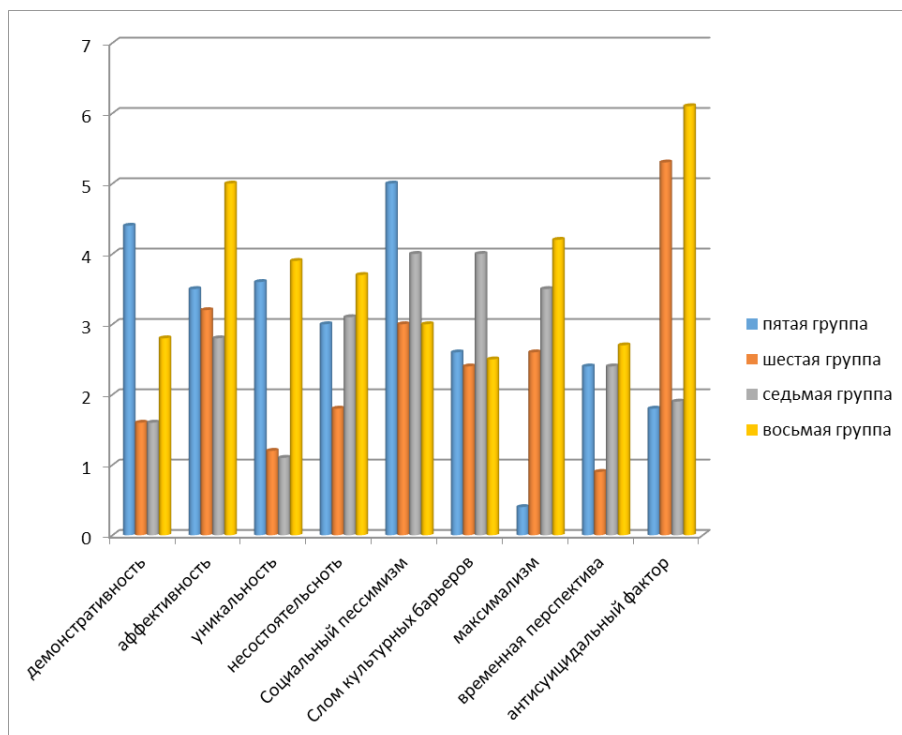
Для выявления склонности к суицидальному поведению в виртуальном пространстве был проведен тот же опросник, но с измененной инструкцией: «Все предложенные Вам утверждения касаются Вашей жизни и деятельности в виртуальном пространстве...». Следует отметить, что опрос проводился преимущественно в виртуальном пространстве посредством создания Google форм. Результаты исследования приведены на рисунке 2.

В виртуальном пространстве, благодаря процедуре кластеризации, также были выделены 4 группы респондентов согласно уровням их суицидальных рисков (рис. 2). Следует отметить, что все респонденты имеют низкий уровень антисуицидального фактора в виртуальном пространстве.

Пятая группа респондентов (8 человек) – подростки, имеющие склонность к суицидальному поведению с целью добиться понимания и внимания от окружающей среды, как правило, с помощью демонстративности и аффективности, когда эмоции доминируют над интеллектуальными способностями и значительно снижается степень контроля над ситуацией (уровень демонстративности и аффективности выше среднего). Подростки данной группы отличаются от других групп респондентов в виртуальном пространстве, восприятием себя как исключительно уникальной и неповторимой личности. Такая особенность также способствует поведению суицидального характера, поскольку подростки пытаются найти выход из сложной ситуации не социально приемлемым способом, а с помощью совершения суицида (уровень уникальности приближен к максимальному значению).

Рисунок 2

Распределение по группам с разным уровнем выраженности суицидальных рисков в виртуальном пространстве

Шестая группа (40 человек) – подростки со значениями ниже среднего по всем шкалам. Это говорит о том, что данная группа не отличается повышенной эмоциональностью, верой в себя как в исключительно уникального человека, нет склонности к максимализму и пропаганды культа смерти, но средний показатель уровня социального пессимизма объясняет данную ситуацию тем, что такие подростки склонны к погружению в себя, видят окружающий мир в мрачных тонах и подчиняются собственной отрицательной концепции к социуму. Низкий уровень антисуицидального фактора лишь подчеркивает способность данной группы подростков в виртуальном пространстве к суицидальному поведению, поскольку видение мира в негативных тонах отрицательно сказывается на удовлетворенности жизнью и способности верить в лучшее. Как правило, такие подростки в моменты отчаяния теряют контроль над интеллектуальной грамотностью, и начинают преобладать эмоции и негативные внутренние установки (уровень аффективности ниже среднего, однако выделяется на уровне остальных шкал).

Седьмая группа (35 человек) – подростки, также имеющие отрицательную концепцию окружающего мира, однако, в отличие от респондентов шестой группы, наблюдается повышенный уровень максимализма (выше среднего), что свидетельствует о склонности к крайностям, которые проявляются в каких-либо требованиях, точках зрения и ожиданиях. Данная особенность в сочетании с социальным пессимизмом и низким уровнем антисуицидального

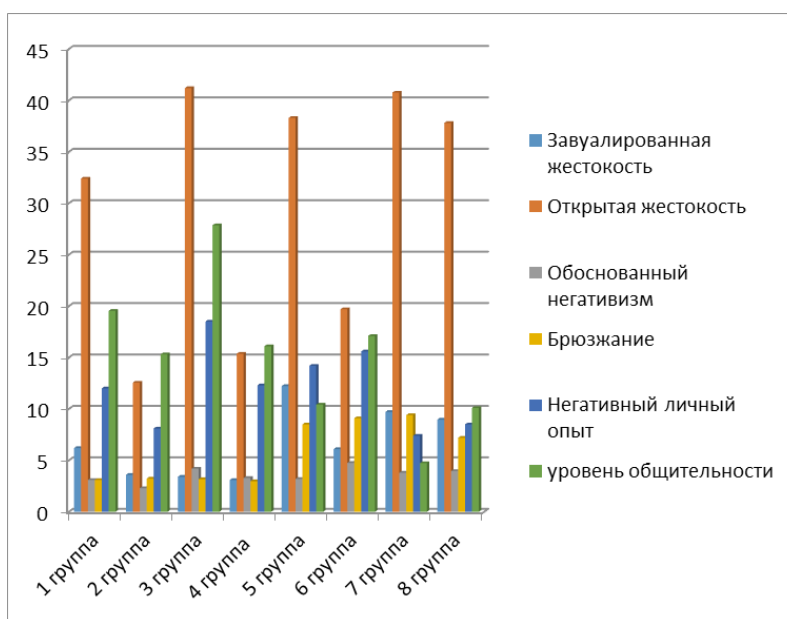
фактора создает высокую вероятность к совершению суицидального поведения, поскольку установка «так, либо никак» является вспомогательным элементом в причинении себе действий суицидального характера.

Восьмая группа (23 человека) – подростки, которые имеют идентичные показатели с шестой группой. Данные подростки имеют особенность потери контроля над рассудком, когда эмоциональное состояние выступает на первый план, и повышается риск совершения необдуманных действий. Видение мира в отрицательных тонах в сочетании с аффективностью создают благоприятную почву для совершения подростком суицида. Низкий показатель антисуицидального фактора лишь придает шансов, что подросток пойдет на данное действие в отношении себя.

В ходе исследования выявлены достоверные различия между группами по некоторым параметрам виртуальной коммуникации (рис. 3).

Рисунок 3

Особенности виртуальной коммуникации в группах с разными суицидальными рисками

Выявлено, что существуют достоверные различия между уровнем выраженности коммуникативных установок в группах с повышенными суицидальными рисками в реальном и виртуальном пространстве.

Так, в реальном пространстве в группах подростков с высокими суицидальными рисками наиболее выражена негативная коммуникативная установка – открытая жестокость ($T_{эмп} = 2,267$ при $p < 0,05$), и в группе 3 – негативный личный опыт ($T_{эмп} = 2,013$ при $p < 0,05$). В то же время при переходе в виртуальное общение у большинства респондентов возрастает уровень открытой жестокости ($T_{эмп} = 2,907$ при $p < 0,01$), достоверно изменяется установка на негативный

личный опыт ($T_{\text{эмп}} = 2,117$ при $p < 0,05$), брюзжание ($T_{\text{эмп}} = 3,027$ при $p < 0,01$), завуалированную жестокость ($T_{\text{эмп}} = 2,932$ при $p < 0,01$).

Выводы

1. Проведенное исследование позволило выделить группы подростков с различными суицидальными рисками в реальном и виртуальном пространстве.

2. Эмпирически выявлено, что склонность к суицидальному риску в виртуальном пространстве возрастает.

3. В ходе виртуальной коммуникации у подростков снижается значение антисуицидального фактора и возрастает уровень выраженности отдельных негативных коммуникативных установок: открытая жестокость, негативный личный опыт, брюзжание, завуалированная жестокость.

Литература

Бабаева, Ю. Д., Тихомиров, О. К., Войскунский, А. Е. (1986). Общение, опосредствованное компьютером. *Вестник Московского университета. Серия 14: Психология*, 3, 31–42.

Баева, Л. В. (2013). Электронная культура: опыт философского анализа. *Вопросы философии*, 5, 75–83.

Баева, Л. В. (2014). Виртуальная коммуникация: классификация и специфика. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*, 14(4), 5–10.

Белинская, Е. П. (2002). Человек в информационном мире. В Г. М. Андреева, А. И. Донцов (ред.), *Социальная психология в современном мире* (с. 203–220). Аспект Пресс.

Бодалев, А. А. (ред.) (2011). *Психология общения: энциклопедический словарь*. Когито-Центр.

Бойко, В. В. (2002). Диагностика коммуникативной установки. В Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов (ред.), *Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп*. Изд-во Института Психотерапии.

Борисов, О. С. (2012). Когнитивные процессы в социокультурном измерении. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*, 3, 83–88.

Войскунский, А. Е. (2010). *Психология и Интернет*. Акрополь.

Гиппенрейтер, Ю. Б., Фаликман, М. В. (ред.) (2009). *Психология мотивации и эмоций*. АСТ.

Гончарова, Н. В. (2016). Рефлексия как объект психологических исследований. *Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения*, 49–1, 35–40.

Гулевич, О. А. (2007). *Психология коммуникации*. Московский психолого-социальный институт.

Ефимова, Н. С. (2012). *Психология общения. Практикум по психологии: учебное пособие*. ИД Форум: Инфра-М.

Жилкин, В. В. (2003). Проблемы освоения современной информационной культуры. *Педагогическая информатика*, 3, 3–8.

Ильин, Е. П. (2009). *Психология общения и межличностных отношений*. Питер.

Исаев, Д. С., Шерстнев, К. В. (2000). *Психология суицидального поведения*. Самарский государственный университет.

Карабин, Т. В. (2009). *Особенности межличностного общения в сети «Internet»*. Гардарики.

Кастельс, М. (2004). *Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе*. У – Фактория.

Лучинкина, А. И. (2012). *Психология человека в интернете*. Информационные системы.

- Лучинкина, А. И. (2017). Суицидальная личность в интернет-пространстве. *Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Педагогика. Психология*, 1, 109–113.
- Лучинкина, А. И., Лучинкина, И. С. (2019). Особенности коммуникативного поведения в интернет-пространстве подростков с разными типами суицидального поведения. *Российский психологический журнал*, 16(1), 128–143. <https://doi.org/10.21702/rpj.2019.1.6>
- Лучинкина, И. С. (2019). *Психологические особенности коммуникативного поведения личности в интернет-пространстве* (кандидатская диссертация). Южный федеральный университет.
- Миронов, В. В. (2006). Современное коммуникационное пространство как фактор трансформации культуры и философии. *Вестник Московского университета. Серия 7: Философия*, 4, 34–48.
- Михалец, И. В., Волчкова, А. Д., Филиппова, Е. Д. (2016). Виртуальное общение как новый вид общения в современном мире. В *Психология в России и за рубежом: Материалы III Международной научной конференции* (с. 23–25). Свое издательство.
- Назарчук, А. В. (2008). Сетевое общество и его философское осмысление. *Вопросы философии*, 7, 61–75.
- Разуваева, Т. Н. (1993). *Диагностика личности*. Исеть.
- Рассолов, И. М. (2009). *Право и Интернет. Теоретические проблемы*. Норма.
- Ряховский, В. Ф. (2005). *Диагностика коммуникативной установки «Психологические тесты» в 2 томах. Т. 2.* (А. А. Карелин, ред.). Владос.
- Соколов, Е. Г. (2003). Искусство в системе культуры. В Ю. Н. Солонин, Е. Г. Соколов (ред.), *Введение в культурологию: Курс лекций* (с. 53–67). Санкт-Петербургский государственный университет.
- Хабермас, Ю. (2000). *Моральное сознание и коммуникативное действие*. Наука.
- Хэйзинга, Й. (2011). *Homo ludens. Человек играющий*. Издательство Ивана Лимбаха.
- Шнайдер, М. (2002). Диагностика коммуникативного контроля. В Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов (ред.), *Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп* (с. 120–121). Изд-во Института Психотерапии.
- Щербаков, В. П. (2008). *Социокультурные механизмы становления человека* (докторская диссертация). Санкт-Петербургский государственный университет.
- Янг, К. (2000). Диагноз – Интернет-зависимость. *Мир Интернет*, 2, 24–29.
- Agosta, L. (2010). *Empathy in the context of philosophy*. Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1057/9780230275249>
- Bridge, J. A., Goldstein, T. R., & Brent, D. A. (2006). Adolescent suicide and suicidal behavior. *The Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 47(3–4), 372–394. <https://doi.org/10.1111/j.1469-7610.2006.01615.x>
- Davis, R. A. (2001). A cognitive-behavioral model of pathological Internet use. *Computers in Human Behavior*, 17(2), 187–195. [https://doi.org/10.1016/S0747-5632\(00\)00041-8](https://doi.org/10.1016/S0747-5632(00)00041-8)
- Rasskazova, E. I., Tkhostov, A. S., Falkovskaia, L. P., Kiseleva, A. L., Kremlev, A. E., & Artamonova, E. G. (2019). Psychological indicators of delinquent behavior in adolescents: A potential of the 'Psychological Risk Factors of Deviant Behavior in Adolescents Inventory' for differentiating between adolescents with delinquent behavior, drug addiction and controls. *Psychology in Russia: State of the Art*, 12(3), 149–162. <https://doi.org/10.11621/pir.2019.0311>

Лучинкина А. И., Руденко Е. С.

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ...

РОССИЙСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2022, Т. 19, № 2, 118-128. doi: 10.21702/rpj.2022.2.9

НАУКИ ОБ ОБРАЗОВАНИИ

- Sobkin, V. S., & Fedotova, A. V. (2021). Adolescents on social media: Aggression and cyberbullying. *Psychology in Russia: State of the Art*, 14(4), 186–201. <https://doi.org/10.11621/pir.2021.0412>
- Soldatova, G. U., & Yarmina, A. N. (2019). Cyberbullying: Features, role structure, parent-child relationships and coping strategies. *National Psychological Journal*, 12(3), 17–31. <https://doi.org/10.11621/npj.2019.0303>
- Soldatova, G. U., Rasskazova, E. I., & Chigarkova, S. V. (2020). Digital socialization of adolescents in the Russian Federation: Parental mediation, online risks, and digital competence. *Psychology in Russia: State of the Art*, 13(4), 191–206. <https://doi.org/10.11621/PIR.2020.0413>

Поступила в редакцию: 11.07.2021

Поступила после рецензирования: 15.10.2021

Принята к публикации: 23.01.2022

Заявленный вклад авторов

Анжелика Ильинична Лучинкина – разработка общего дизайна исследования, написание статьи.

Екатерина Сергеевна Руденко – поиск источников, написание и оформление статьи.

Информация об авторах

Анжелика Ильинична Лучинкина – доктор психологических наук, доцент, первый проректор, ГБОУ ВО Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», г. Симферополь, Российская Федерация; Scopus Author ID: 57221193516, SPIN-код: 7248-6625, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1687-9649>; e-mail: a.luchinkina@kipu-rc.ru

Екатерина Сергеевна Руденко – методист Академии профессионального обучения ГБОУ ВО Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», г. Симферополь, Российская Федерация; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0148-2705>; e-mail: ekaterina-kusova18@mail.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.